

В. А. Кошелев

БАТЮШКОВЫ

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона Батюшковым посвящены три монографические статьи. «Энциклопедического» уровня оказались удостоены поэт Константин Николаевич Батюшков (1787—1855), его младший (сводный) брат Помпей Николаевич (1810—1892), видный деятель либеральных реформ 60-х годов и выдающийся просветитель, и их внучатый племянник Федор Дмитриевич (1857—1920), критик, историк литературы и журналист, весьма известный в начале нынешнего столетия.

В разговоре о «Батюшковых» очень просто встать на путь пересказа биографий этих замечательных личностей, прибавив к тому ещё два-три имени людей, менее известных, но тоже, что называется, «оставивших свой след»...

В данном очерке, однако, такого пересказа не будет: желающие могут обратиться к соответствующей, довольно обширной, литературе, к музейной экспозиции в Даниловском и т. д. Наша задача иная — раскрыть существо историко-культурного феномена, которое заключается в русском историческом осознании фамилии — Батюшковы.

Данный феномен прямо и непосредственно связан с *городом Устюжной*, — в то время как в конкретных биографиях Устюжна может не упоминаться вообще (как не упоминается она в трех указанных статьях «Энциклопедического словаря...»). Между тем, образ Батюшковых — образ исторически осознанного *рода* — оказывается невозможен вне образа исторически осознанной *местности*, с которой, волею судеб, род этот был связан.

Таковы *общие* предварительные установки нашего разговора.

Понятия «род» и «родословие» не очень распространены в современном обиходе — в прошедшем веке они играли куда более важную роль. Знание и почитание предков в среде русского дворянства было почти обязательным, а древность того или иного рода оказывалась предметом гордости. И это было особенно примечательно в смысле нравственном. Если предки твои были людьми выдающимися и оставили память в истории Отечества, то воспоминание о них лестно. А ежели они были просто обыкновенными людьми,—

что с того? Почему бы не помнить о них? Ведь дело здесь идет именно о памяти: любой человек от кого-то «произошел», — но знает ли, от кого именно? Имеет ли сведения о деде своем? прадеде? прапрадеде? о более отдаленных в истории носителях фамилии и крови своей? Твое родство непременно отражается в тебе самом. — и горе «родства не помнящим»...

В словаре В. И. Даля понятие «род» определяется как «связь членов семьи, обоюго пола, от общаго родоначальника, хотя не одного прозванья; то же зовут: племя, колено, поколение, потомство, порода семейная» — «Ты скажись, молодец, родом-племенем!»

«Под гербовой моей печатью я кипу грамот схоронил». — писал А. С. Пушкин в стихотворении «Моя родословная». В этой «кипе грамот» — сведения о шестисотлетней истории его рода. Подобные «кыпы грамот» имелись в большинстве дворянских семей. В том числе — и в семье Батюшковых.

Любое дворянское родословие начиналось с предания, объяснявшего истоки фамилии. В соответствии с семейным преданием, фамилия Батюшковых уходила ко временам татаро-монгольского ига — веку к XIV или XV. Татарский хан по имени *Батыш* влюбился в русскую княжну, женился на ней и, приняв православную веру, перешел на службу к русским князьям.

Насколько эта романтическая легенда соответствует действительности, сказать трудно. Подобные истории действительно случались в XIV—XV веках, но о существовании татарского князька с этим именем не сохранилось письменных упоминаний.

Первые же исторические упоминания о Батюшковых относятся ко времени Ивана Грозного: из летописей они попали и в «Историю государства Российского» Карамзина. В феврале 1543 года Семен Данилович Батюшков возглавлял царское посольство в Молдавию и Валахию (в отличие от предшествовавших посольств, весьма удачное), а в следующем 1544 году его племянник Иван Михайлович был есаулом в Казанском походе. К этому же примерно времени относятся и упоминания в источниках о Ляпуне Батюшкове, который ведал рыболовецкими езами на реке Мологе, — то есть уже с первоначального времени Батюшковы оказывались связаны с устюженской землей.

Казанский есаул Иван Михайлович Батюшков стал официальным основателем рода: с него начинается поколенная роспись, утвержденная российской Герольдией. Два сына его, Тимофей и Федор, стали родоначальниками двух «отраслей» Батюшковых — старшей и младшей. Батюшковы, упомянутые в «Энциклопедическом словаре», принадлежали к младшей отрасли — «федоровичей».

Правнуки Тимофея Батюшкова, Федор и Иван Степановичи, погибли под Смоленском в 1634 году, сохранив верность царю Михаилу Федоровичу Романову.

Правнук же Федора, Иван Никитич Батюшков, тоже верно служил государю, за что и был жалован владениями «в Ясеницком стане», в частности, за ним значилось «старое отца его поместье» — село Даниловское, «а в нем двор помещиков» (так значится

в Бежецкой писцовой книге 1628 года). Следовательно, и усадьба Даниловское, под Устюжной, принадлежала Батюшковым уже в XVI веке.

Сын Ивана Никитича, Матвей, был знатным военным человеком. Он выказал «отменную храбрость» во время войны с Польшою (в 1654 году) и с Турцией (в 1673 году) и, после многолетней службы, значительно увеличил наследственное достояние рода Батюшковых: ему было жаловано два десятка деревень окрест Даниловского и столько же — в других волостях и уездах.

В эпоху Петра I Батюшковы — служилые дворяне, выказавшие успехи на гражданских должностях. Внук Матвея Ивановича Андрей Ильич Батюшков (1699—1766) дослужился до чина прокурора. Поэту Константину Батюшкову он приходится прадедом: в одном из писем поэта встречаем интересное указание: «прадед мой был не Анакреон, а бригадир при Петре Первом, человек нрава крутого и твердый духом».

Тогда же, в XVIII столетии, был оформлен и герб рода Батюшковых, та самая «родовая печать», о которой упомянул Пушкин. Эта «гербовая печать» обыкновенно гравировалась на перстне, которым запечатывались письма. В основе любого дворянского герба — щит. Собственно «батюшковское» изображение на нем следующее: «Щит разделен на четыре части, из коих в первой в голубом поле изображен золотой крест, поставленный на подкове, шипами вниз обращенной. Во второй, в серебряном поле, находится дерево ель. В третьей части в серебряном же поле виден до половины лев с мечом, выходящий из городской стены красного цвета. В четвертой части в золотом поле красный крест и внизу одного две луны, рогами обернутые к бокам щита. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною, на поверхности которой распростерто черное крыло, пронзенное серебряною стрелою, летящею в правую сторону. Намет на щите голубой и золотой, подложенный серебром и красным цветом. Щит держат с правой стороны Лев, а с левой — Гриф...». Сложная гербовая символика отражает, как видим, и «твердость духом», и строгость нрава семейного, и верность в военном и гражданском служении. ♣

История дворянского рода интересна для нас не тем, что она «дворянская», и не тем, что отмечена особенными добродетелями, а тем, что это история *рода*, осознающего себя как род и гордящегося «дедовской печатью». В этом случае род оказывался осознанно прикреплен к конкретной земле, которая волею судеб досталась ему в удел и которую он призван «обживать» всеми своими поколениями. В кровной связи с этой землей род нес прикрепленность к тому строю человеческой жизни, который, в сущности, и определял своеобычность каждого конкретного уголка великой России. Последнее семидесятилетие нашей истории разрушило эту вековую прикрепленность, уничтожило многие роды, — но не могло выветрить родовой памяти.

...У Андрея Ильича Батюшкова было шесть сыновей: Лев, Михаил, Семен, Илья, Федор и Петр.

Старший из них, Лев Андреевич, был родным дедом поэта. В молодости он служил, сначала в военной, потом в гражданской службе, но, дослужившись до чина надворного советника (по-военному: подполковник), вышел в отставку. По смерти отца, петровского бригадира, он получил во владение большую часть родовых имений и с середины 1760-х годов почти безвыездно поселился в Даниловском. В 1767—1768 годах он был депутатом от дворянства Устюжны Железопольской в знаменитую Комиссию по составлению проекта нового Уложения, собиравшуюся Екатериной II. Потом в течение 15 лет был бессменным предводителем устюженского дворянства. Такое уважение в краю своем он завоевал не богатством (ибо он был помещиком средней руки), а именно деловитостью и замечательными хозяйственными способностями. Он не без успеха культивировал оброчное землевладение, активно занимался приращиванием имений (так, в 1788 году он выиграл 46-летнюю тяжбу с А. Ю. Нелюдинским-Мелецким о праве владения деревней Тучково и пустошью Кутилихой Бежецкого уезда).

Младший брат Льва Андреевича, Илья Андреевич Батюшков, прославился очень своеобразно: в 1769 году он стал одним из главных участников несостоявшегося «заговора» против императрицы Екатерины II. Весь «заговор» состоял в том, что отставной корнет Илья Батюшков, живший на покое в маленькой усадьбе в селе Тухани (в 40 верстах от Устюжны), в пьяных застольных беседах с соседом своим Ипполитом Опочининым внушил Опочинину, что тот не кто иной, как сын английского короля и покойной императрицы Елисаветы Петровны, и, следовательно, имеет все права на русский престол... Трудно сказать, был ли Илья Батюшков «в уме поврежденным» (на что указывали некоторые свидетели по делу) или просто фантазировал спьяну, но дело приняло крутой оборот. Нашелся доброхот, написавший донос; донос дошел до императрицы (которая сама пришла к власти в результате дворцового переворота); та приказала учредить жесточайшее следствие, и в декабре 1769 года в Устюжну прибыл сам обер-прокурор Сената В. А. Всеволожский. Илью Батюшкова арестовали и «с пристрастием» пытали; под пытками он сознался в чем-то несусветном, и возникло шумное дело «о говорении злодейственных слов»... В конце концов Илью Батюшкова сослали в Мангазею, где тот и сгинул безо всякого следа. Косвенно по этому же делу проходил его племянник, будущий отец поэта Николай Львович Батюшков: тогда он был ещё 15-летним мальчиком, но слышал все «злодейственные слова», за что и был «уволен» из лейб-гвардии Измайловского полка (куда с детства был записан в солдаты).

Имения несчастного «заговорщика» были разделены между братьями: большую часть их получил Лев Андреевич, а село Тухани — Семен Андреевич (с его сыном, Иваном Семеновичем, сельским хозяином и коннозаводчиком, поэт Константин Батюшков состоял в переписке, а правнуком его был Федор Дмитриевич Батюшков, последний владелец Даниловского).

В разговоре о роде, прошедшем через несколько столетий, по-

неволе приходится вести отсчет от самого известного: в нашем случае точкой отсчета оказывается поэт Константин Николаевич Батюшков. Поколение его «дедов» было на родной земле гораздо «устойчивее», чем поколение «отцов». Если Лев Андреевич успешно занимался хозяйственными операциями и приращиванием имений, пользовался непререкаемым уважением в Устюжне и её окрестностях, то старший сын его, Николай Львович (1755—1817), лишь благодушно «проматывал» наследственное состояние, а младший, Павел Львович (1765—1848), в молодости уехал из родительского дома в Петербург, дослужился до генеральского чина, стал сенатором (в 1821 году) и вовсе отошел от дел и забот родного края.

Николай Львович Батюшков, отец поэта, в молодости тоже служил и в военной, и в гражданской службе: в Великом Устюге, Ярославле, Вологде, Вятке, преимущественно по прокурорской части. Но в 1798 году, когда отец его занемог, перебрался в Даниловское. В управлении наследственными имениями он не преуспел: если к началу его деятельности за ним числилось около 400 душ крестьян «мужеска пола», то к 1817 году их было 280 душ, да и те оказались заложены и перезаложены. Также за Николаем Львовичем числилось на девяносто три тысячи рублей долгу — Даниловское было взято в опеку и назначено к продаже...

С женами старшим Батюшковым не везло. Андрей Ильич (прадед) был женат дважды, и обеих жен пережил. Жена Льва Андреевича, Анна Петровна (урожденная Ижорина) умерла на 37-м году (11 октября 1765 года) при родах младшего сына Павла. Эта самая Анна Петровна Ижорина приходилась сестрой Юлии Петровне, вышедшей замуж за Никиту Артамоновича Муравьева и тоже рано умершей. Её сын, Михаил Никитич Муравьев (1757—1807), стал известным писателем и государственным деятелем и сыграл огромную роль в жизни Константина Батюшкова: именно ему (двоюродному дяде) поэт был обязан первоначальным своим воспитанием.

Николай Львович Батюшков, как и его дед, был женат дважды. Первая жена, мать поэта Александра Григорьевна (урожденная Бердяева) умерла 11 марта 1795 года, не дожив до 35 лет, оставив четырех дочерей и сына. Вторая жена, Авдотья Никитична (урожденная Теглева), была моложе мужа на 22 года, но тоже умерла молодой 16 июля 1814 года, оставив ему еще малолетнего сына Помпея и дочь Юлию.

Кстати, вторая женитьба Батюшкова-отца много повредила отношениям его с сыном-поэтом. Судя по сохранившимся долговым распискам, Николай Львович в 1806—1807 годах, непосредственно перед второй женитьбой, задолжал огромную сумму денег — 60 тысяч рублей — устюженскому дворянину отставному подпоручику Никите Алексеевичу Теглеву (ЦГИА. Ф. 840. Оп. 1. Ед. хр. 82) и вскоре женился на его дочери... По всей вероятности, это был карточный проигрыш. Но как бы то ни было, дети от первой жены отнеслись ко второму браку отца, а заодно и к названной «матери», весьма отрицательно: настояли на разделе имений, переселились

из Даниловского в заброшенную усадьбу покойной матери Хантоново (под Черёповцем).

Поэту Константину Батюшкову участь вдовца не была суждена: он так и не успел жениться за свою долгую и страшную жизнь.

Ещё в начале нынешнего века при усадьбе Даниловское была маленькая церковь и большое родовое кладбище (где и нашли упокоение многие из «старших» Батюшковых). Теперь ни церкви, ни кладбища нет. Все заросло, и могил не найти: мало ли могил исчезало из нашей памяти буквально на наших глазах? Не случайно же поэт Батюшков обронил однажды страшный и многозначительный стих: «Минутны странники, мы ходим по гробам...».

Поэт был зрен «дедовскому крову» всю жизнь. Он жил в Даниловском от четырехлетнего до десятилетнего возраста: с 1791 по 1797 год. В это время отец его по ряду обстоятельств переехал из Вологды в Вятку (на должность губернского прокурора); старшие дочери были отправлены в Петербург, в пансион мадам Эклебен, а малолетние Константин и Варвара поселились у деда в имении. Следы их пребывания находим в публикуемой ниже описи Даниловского.

В доме деда будущий поэт выучился писать — и очень грамотно по тем временам. Там он начал и сознательное чтение: у деда была неплохая библиотека. Под «дедовским кровом» было привито Батюшкову-ребенку то обостренное чувство родины, которое сквозной нитью прошло через все его творчество.

Что видел в юности пред хижинной родной,
Что видел, чувствовал, как новый мира житель.
Того в душе своей до поздних лет хранитель
Желает в песнях муз потомству передать...

Потом, после раздела с отцом, поэт бывал в родовой усадьбе только наездами — на неделю, на несколько дней. Но любил его больше других «приютов».

В 1817 году над Даниловским нависла угроза продажи: оно вот-вот могло быть пущено с молотка. Константин Батюшков сам в те времена находился в тяжелых денежных обстоятельствах: ему накануне отъезда в Италию требовались немалые деньги, незамужние сестры остались при мизерном состоянии... Что выбрать?

Он выбрал Даниловское: родовое «гнездо» не должно быть утрачено. 17 июля 1817 года он писал своему другу, поэту Н. И. Гнедичу: «...я нынешний год потеряю половину моего имения... и что будет вперед не знаю». А чуть позже в письме к своему зятю и поверенному в делах П. А. Шипилову уточнял, куда пойдут деньги от продажи «половины имений»: «...дела батюшкины надобно кончить на месте, в глазах его... Кончить продажу и осмотреться в Даниловском — вот что нужно теперь». Последний раз поэт был в родовом имении на похоронах отца — в декабре 1817 — январе 1818 годов.

То поколение рода Батюшковых, к которому принадлежал Константин Николаевич, тоже свято хранило свое «гнездо», хотя в имении этом, малоходном и затерянном «во глубине России», не было, казалось, ничего особенного. В те времена это было маленькое сельцо:

в нем (вместе со стоявшим рядом сельцом Бородиным) проживало всего семь крестьянских семей. И деревни в округе: Трестенка, Высотино, Черная, Тимонино, Шустово, Дягилево, Шилово... — всего 17 деревень.

В начале 1820-х годов, когда над Даниловским вновь нависла угроза продажи с молотка, его спас муж старшей сестры поэта А. И. Гревенц. А в 1829 году его сын Г. А. Гревенц за 4 тысячи рублей ассигнациями продал это имение младшему сыну Николая Львовича, Помпею, который был на 24 года моложе своего знаменитого брата. До недавнего времени лиц, подобных Помпею Николаевичу Батюшкову, именовали «реакционный государственный деятель эпохи буржуазных реформ». Сейчас мы уже не вправе ограничиться такой вот «негативной» констатацией — надобно разобраться.

Когда умер отец, Помпею Николаевичу было 7 лет.хлопотами старшего брата он был поначалу устроен в благородный пансион, потом учился в академических классах артиллерийского училища. Служил в военной службе — дослужился до полковника. А в 1850 году перешел на гражданское поприще: был назначен вице-губернатором в город Ковно (нынешний Каунас). С этого времени деятельность его оказалась связана с Прибалтикой — Остзейским краем. Вскоре он был переведен в столицу этого края, Вильно (теперешний Вильнюс), где стал служить помощником попечителя (а затем попечителем) Виленского учебного округа.

Остзейская губерния в середине XIX столетия была, что называется, лидером тогдашней «перестройки». Виленский генерал-губернатор В. И. Назимов был личным другом Александра II, и именно с поданного им в 1857 году «адреса» началась подготовка знаменитой крестьянской реформы: освобождения крепостных. А Помпей Николаевич Батюшков, отвечавший за учебные заведения округа (во главе с древним Виленским университетом), начал активную подготовку реформы народного образования. А проблем тут — непочатый край!

Главным было установление университетского самоуправления: создание механизма, обеспечивавшего административную и хозяйственную самостоятельность университетов, гарантировавшего права преподавателей и студентов, дававшего возможность получить образование способным юношам из «низов» общества. Одновременно реорганизовались и школы: преобразованы гимназические программы, создана система «реальных» училищ и т. п. В этих начинаниях Помпей Батюшков был фактически первым: подведомственные ему учебные заведения оказались своеобразной лабораторией, опыт которой распространялся на всю Россию. Помпей Николаевич исходил из знаменательной установки: он считал главной не количественную, а качественную сторону просвещения. Дело не в том, сколько человек «охвачены» начальным, средним или высшим образованием, а в том, чтобы само это образование соответствовало идеальному уровню. Эта установка (привитая во всей России) к концу прошлого века принесла серьезные плоды: русская система образования почиталась во всем мире, и выпускник, например, провинциальной

Гаганрогский гимназии мог без экзаменов поступать в Сорбонну...

На пути этой реформы П. Н. Батюшков испытал и кризисы, и неудовольствия, и активное противодействие со всех сторон, но те способности организатора, которые в нем проявились, оказались весьма недюжинными.

Эти же способности использовались и в дальнейшем: Помпей Николаевича часто привлекали для реализации самых трудных, самых «провальных» мероприятий. В 1870-е годы он стал, например, во главе комиссии по завершению строительства Храма Христа Спасителя в Москве. К тому времени исполнилось уже тридцать лет с момента заложения Храма, медленно собирались «всенародные жертвования», об этом мероприятии уже и забыть успели... И только кипучая энергия и умелая организация руководителя комиссии позволили эту работу достойно завершить. Не случайно же надгробная плита на могиле П. Н. Батюшкова в Новодевичьем монастыре сделана из того же черного мрамора, которым был облицован цоколь знаменитого храма.

Все деяния его отличались добротностью. Начиная с 1860-х годов под его редакцией стали выходить ценнейшие археологические и этнографические сборники: «Атлас народонаселения западно-русского края по исповеданиям», «Памятники русской старины в западных губерниях», «Холмская Русь. Исторические судьбы русского Забужья», «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края» и др. В большинстве своем это прекрасные альбомы-фолианты, с гравюрами, рисунками, палеографическими снимками, обобщавшие деятельность целых научных учреждений.

К столетнему юбилею старшего брата Помпей Николаевич издал полное собрание его сочинений. И к этой работе он подошел со всей ответственностью, продемонстрировав блестящий талант организатора. Он предпринял серьезные шаги по собиранию рукописного наследия поэта, документов о его жизни и творчестве. Он привлек к изданию лучшие научные силы (академиком Л. Н. Майкова и В. И. Саитова), сумел найти необходимые средства. В результате получилось издание не только потрясающей внешней красоты, но и огромного внутреннего содержания: оно оказалось самым значительным собранием «академического» типа, своеобразной вехой в русской текстологической науке. И во многом не утратило ценности своей до теперешнего времени.

Он бережно относился к родному Даниловскому, часто и подолгу бывал там, ремонтировал дом, расширял парк, обновил церковь на родовом кладбище. В 1870-е годы он даже хотел перенести на это родовое кладбище из Спасо-Прилуцкого монастыря прах К. Н. Батюшкова (намерение это не было исполнено, потому что запротестовали другие родственники поэта). Он же собственноручно это родовое кладбище описал: данные о нем вошли в «Русский провинциальный некрополь»...

После смерти Помпея Николаевича Даниловское перешло к «внукам» — потомкам упоминавшегося выше Ивана Семеновича Батюшкова. Три его внука были тоже людьми замечательными.

Николай Дмитриевич Батюшков, экономист. В 1889 году он выпустил исследование «Связь экономических явлений с законами энергии», где доказывал, что в общественном производстве главное внимание следует обращать не на распределение, а на развитие производительности труда, способствующей росту национального богатства.

Василий Дмитриевич Батюшков, инженер. В первые послеоктябрьские годы он активно занимался проблемами устройства дорог, энергетики, электрификации, механизации сельского хозяйства, участвовал в составлении плана ГОЭЛРО.

И, конечно же, Федор Дмитриевич Батюшков, филолог, историк литературы, критик и журналист. Он был любимым учеником великого русского филолога академика А. Н. Веселовского, читал курсы западноевропейских литератур в Петербургском университете и на Бестужевских курсах и много занимался литературной современностью. С его именем связаны ведущие журналы «серебряного века» — «Космополис», «Северный вестник», «Мир божий». Он был дружен с выдающимися писателями: Чеховым и Короленко, Буниным и Горьким, Брюсовым и Анненским, а особенно — с Куприным.

В одном из рассказов Куприн так трансформировал свое пребывание в Даниловском (куда попал по приглашению Федора Дмитриевича): «Жили мы в старом, заброшенном имении, где в 1812 году был построен пленными французами огромный деревянный дом с колоннами и ими был разбит громадный липовый парк в подражание Версалю... Вокруг нас столетний бор, где водятся медведи и откуда среди белого дня голодные волки забегают в окрестные села таскать зазевавшихся собачонок. Местное население говорит непонятным для нас певучим, цокающим и гокающим языком и смотрит на нас исподлобья, пристально, угрюмо и бесцеремонно... К нашим услугам прекрасная французская библиотека XVIII столетия, но весь её чудесный эльзевир обглодан мышами. А старинная портретная галерея, в двусветной зале, погибшая от сырости, плесени и дыма, скоробилась, почернела и потрескалась».

Ф. Д. Батюшков был одним из немногих деятелей «серебряного века», которого уважали и любили представители разных, подчас враждебных друг другу, направлений. Он написал огромное количество литературных и театральных критических статей, принял активнейшее участие в замечательном труде — «Истории русской литературы XIX века», в деятельности Московского Художественного театра и петербургского Театра В. Ф. Комиссаржевской. После Февральской революции 1917 года он был даже поставлен во главе управления бывшими императорскими театрами России, а после Октябрьской — вошел в редколлегия горьковского издательства «Всемирная литература» (и выпустил, со своей вступительной статьей и примечаниями, сочинения Вольтера, Лесажа, Балзака).

В 1918 году у Батюшковых отобрали Даниловское: местные большевики организовали там коммуны. В марте 1920 года Федор Дмитриевич умер в Петрограде от голода и болезней.

После него род Батюшковых не угас. Многие его представители живы и здравствуют доселе, некоторые оставили свой след в культуре нашего века (художник В. Н. Батюшков, геолог И. В. Батюшкова, оперный режиссер В. Г. Батюшкова и др.). Но это уже, что называется, «осколки разбитого вдребезги»...

Из нашей жизни, повторимся, ушла прикрепленность конкретного рода к раз и навсегда данной земле. Настал какой-то новый этап «безродовой» жизни, неосознанный ещё вполне, но определяющий многие наши добрые и злые дела. Впрочем, это уже предмет особого разговора, выходящий за рамки данного очерка.

